

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Михаил Алексеевич Лаврентьев. Человек. Гражданин. Ученый

2010 год объявлен в Сибирском отделении РАН годом Михаила Алексеевича Лаврентьева.

Его сравнивают с Ломоносовым и Петром Первым, называют гением и первооткрывателем, ученым и создателем. Дифференциальные уравнения, теория функций и вариационных исчислений, теория нелинейных волн, явления кумуляции — круг его научных интересов был почти необъятен. Он преобразил Сибирь и спас Алма-Ату, создал атомные снаряды и поддержал опальную генетику. Михаил Алексеевич Лаврентьев — это имя давно обросло легендами и стало историей, но в Академгородке его и сегодня ласково называют Дедом.

Накануне дней науки мы встретились с тремя его учениками, частью его «физтеховского десанта», с теми, кто без колебаний полвека назад поехал за ним в Сибирь: академиком Владимиром Михайловичем Титовым, докторами физико-математических наук Леонидом Александровичем Лукьянчиковым и Марленом Еновкичем Топчином.

...Мы сидим в кабинете Деда — на двери все та же табличка «М.А. Лаврентьев», на стене — доска с мелом, которой он пользовался, в углу его стол:

— Когда-то нас было пятнадцать — пятнадцать подающих большие надежды выпускников МФТИ, самого престижного вуза столицы, отправившихся в далеком 1958-м из Москвы в глубинку создавать город науки.

«Я зашел к Несмеянову (президенту АН СССР — прим. ред.) и рассказал ему о сибирских планах. Несмеянов: «Никто не поедет». Я назвал четверых, когда назвал пятого. Несмеянов сказал: «Что вы говорите, а я считал его умным человеком».

(Из воспоминаний М.А. Лаврентьева)

— Как ему удалось убедить, увлечь за собой и совсем молодых, и маститых, с именами и привилегиями?

— Он нас никак не уговаривал, — говорит В.М. Титов. — Своим студентам, аспирантам и сотрудникам он просто предложил интересное дело. Ничего не обещал — только возможность работать. Но почти все поехали. Почему? Секрет прост: мы ему верили. Я был знаком с Михаилом Алексеевичем больше 25 лет и все годы верил ему безоговорочно. И не только я — самые разные люди. Вера — великая сила! (Во фразе «За веру, царя и отечество» вера стоит на первом месте.) Именно так он смог убедить академиков, состоявшихся ученых, людей, которым уже ничего и никому не надо было доказывать.

«Подбирая кадры, работая над организацией Сибирского отделения, Лаврентьев не хотел, чтобы новое дело превратилось в новую компанию — пошумели и разошлись. Поэтому, встречаясь с претендентами, ставил непременно условие: в Сибирь не на время, а на всю жизнь. Он наставлял нас, первых организаторов будущих институтов: «Остерегайтесь карьеристов! Предпочтение отдавайте не тем, кто быстро согласился работать в Сибири, а тем, кто прочно сидит на месте, всем обеспечен, но способен увлечься новым. Если руководитель легко отпускает своего подопечного, это скорее отрицательно характеризует избранника».

(Из воспоминаний А.А. Трофимука)

Они приезжали в Сибирь — а тут долина Зырянки, палатки, а в лучшем случае — щип-

товые домики и большая стройка. Со стороны человеку, не знавшему Лаврентьева лично, происходящее вообще кажется чудом: за несколько лет, вопреки скепсису и политическим дрязгам, он смог построить новый научный центр мирового уровня, создать Сибирское отделение и привлечь в него научную элиту.

— Причин у этого чуда много, — объясняет В.М. Титов. — Во-первых, его авторитет. К моменту создания СО АН он уже был крупнейшим ученым. Во-вторых, надо учитывать время, в котором развивались эти события. С одной стороны, люди почувствовали некоторую свободу, но с другой — все привыкли жить по очень строгим правилам, в условиях жесткой дисциплины. В-третьих, сказались хорошие отношения между Хрущевым и Лаврентьевым. Они были знакомы еще с тех пор, когда Михаил Алексеевич был вице-президентом Академии наук СССР, а Хрущев — первым секретарем ЦК КП Украины. Ну и в-четвертых, нужно знать Лаврентьева. Представьте Новосибирск в 1956—1958 годах. За время войны население города за счет эвакуированных увеличилось в три раза. Он нуждался в новом жилье, в строительстве, в реконструкции. Естественно, власти старались забрать на нужды Новосибирска, на латание дыр по крайней мере часть выделяемых средств.

Бороться с ними было тяжело и, возможно, бессмысленно. Тогда Михаил Алексеевич обратился в Министерство среднего машиностроения — мощную, независимую организацию, отвечавшую за всю атомную отрасль, одно из немногих министерств, имевшее свои военизированные части, в том числе и строительные батальоны. Эта организация взяла строительство под свой контроль. Эффект был потрясающий: в 1958 году мы жили в палатках, а в 1966 уже стоял Дом ученых. Ведь в Сибирь ехали с готовым проектом, над которым в Москве год работали архитекторы. Честно говоря, я сомневаюсь, что в наше время было бы возможно построить Академгородок. И дело не только в отсутствии такого человека, как Лаврентьев. У нас просто нет государственных ресурсов, которые можно было бы централизованно использовать. Сегодня эти ресурсы у частных лиц, у частных организаций.

— Думаю, что на создание Академгородка огромное влияние оказала работа Лаврентьева в Сарове, — говорит Л.А. Лукьянчиков. — Он увидел там блестящую, эффективную организацию, закрытую, почти военную. Возможно, Михаилу Алексеевичу захотелось создать аналог в открытом пространстве: в 1956 году он возвращается из Сарова, а в 1957 начинает работать над организацией Сибирского отделения.

«Случалось, что местные руководители частично забирали присланное Сибирскому отделению для своих нужд. Однажды мне стало известно, что новосибирский совнархоз забрал себе почти все, направленное нам — с санкции первого секретаря обкома Кобелева. Сначала он отпирался, а потом сказал прямо: «Я не знаю, за какие грехи тебя сослали, добровольно-то из Москвы в Сибирь никто не едет. Забрали материалы

и машины правильно — если дело стоящее, дадут еще, а если не стоящее, значит поступили правильно». Я тут же взял трубку телефона ВЧ, соединился с предгосплана и сказал: «Строительство приостановлено, ибо не выполнено постановление Совмина по снабжению нас техникой и материалами». *«Вам все направлено в срок».* «Вы отправили, а кто получил и куда оно пошло, вам скажет тов. Кобелев», — и тут же передал трубку Кобелеву».

(Из воспоминаний М.А. Лаврентьева)

С конфликтными ситуациями Лаврентьеву, конечно, приходилось сталкиваться постоянно: до создания СО АН, во время и после. Возможно, не умеи он достойно выходить из них, не стал бы ни великим ученым, ни создателем Сибирского отделения.

— Ради дела Михаил Алексеевич шел на все и не щадил себя, не боялся отстаивать интересы дела, — рассказывает Л.А. Лукьянчиков. — Соответственно, регулярно происходили стычки между ним и партийным руководством, в том числе и с Никитой Сергеевичем. Не зря Хрущев в 1964 году сказал, что Лаврентьев зазнался и ему пора на пенсию. Многие партийные работники хотели того же. К сожалению, были такие люди и в руководстве СО АН... Слишком независимым он был, слишком неудобным для руководства.

— Я не люблю рассматривать историю через призму конфликтов. Но жизнь есть жизнь: конфликты есть, и с этим приходится жить, — добавляет В.М. Титов. — Сохранять человеческое достоинство, быть верным чести в любых ситуациях, в том числе и самых острых — это пример Лаврентьева. Несмотря на ситуацию в стране, на свои посты, за всю жизнь он не подписал ни одной бумаги в поддержку Лысенко, ни одного доноса. Думаю, это было непросто: на него оказывали давление, но от своих принципов он не отступал.

«Честный ученый — очень емкое понятие. Оно не исчерпывается только тем, что он не ворует идей у своих учеников и коллег. Гораздо труднее оставаться честным, когда ученый должен подписать экспертизу, а его мнение не совпадает с тем, чего от него ждут».

(Из воспоминаний М.А. Лаврентьева)

— Показательна история с Г.И. Галазием, директором Лимнологического института, борющимся со строительством целлюлозно-бумажного комбината на Байкале, — рассказывает М.Е. Топчин. — Он тогда сильно мешал властям, и предпринимались попытки снять «неудобного» человека с поста директора. Было соответствующее решение партийных органов, оказывалось давление на М.В. Келдыша, президента Академии наук. Келдыш, в свою очередь, позвонил Лаврентьеву — надо Галазия снять... На что получил ответ: «Вы решение приняли, вы и снимайте». В итоге, Большая Академия без подписи Лаврентьева Галазия сняла, а буквально через месяц была вынуждена его восстановить — французская делегация очень хотела познакомиться с известным ученым — защитником Байкала».

Конечно, конфликты были не только с партийным начальством, но и с коллегами, и с соратниками.

— Несмотря на свою простоту, доброту, отзывчивость Михаил Алексеевич жестких мер не чурался, — продолжает М.Е. Топчин. — Но, возможно, будь он менее жесток, не добился бы таких результатов. Если человек предал дело, именно дело, а не его лично, пощады не было, обходился Лаврентьев с ним круто. Но я не знаю случая, когда это было бы незаслуженно. При том он всегда был доступен для людей, с которыми работал, для учеников. Никогда не придирился к мелочам (если это не касалось науки). Умел принимать нестандартные решения.

— Михаил Алексеевич вершил великие дела, но нам, его сотрудникам можно было обратиться к нему в любое время и по любому вопросу, — соглашается Л.А. Лукьянчиков. — Этот стиль взаимоотношений М.А. Лаврентьев привил всем своим сотрудникам — «фирменный стиль Гидродинамики». Представьте, в машине едет академик Векуа, мимо шагает м.н.с. Лукьянчиков. Машина притормаживает, академик приподнимает шляпу, раскланивается.

— В бытность свою студентом МФТИ я был старостой студенческого оркестра, сам играл на аккордеоне, — вспоминает М.Е. Топчин. — А когда в 1959 г. в Городок приехал другой физтеховец, Всеволод Бородин, имеющий музыкальное образование, нам захотелось создать джазовый оркестр. В ЦУМе мы увидели инструменты для нашей самостоятельности. Стоили инструменты бешеные по тем временам деньги — пять тысяч! Обратились в профсоюз: «Ну что вы! Как можно! У нас таких денег нет!». Обратились к Лаврентьеву (понадеявшись на фонды СО АН): «Конечно, молодежь должна как-то отдыхать... Сразу я проблему не решу, дайте пару дней...». Через пару дней вызывает нас — придумал: «Я и вице-президент Академии наук, и председатель Сибирского отделения, и директор института. А зарплату получаю только как вице-президент. Я обратился в Президиум, мне начислят зарплату — пять тысяч рублей, как раз вам на оркестр». Инструменты мы купили, и оркестр довольно успешно просуществовал несколько лет.

— Хотя мы из первого десанта, никакой фамильярности между нами не было, — поясняет В.М. Титов. — Мы всегда помнили кто он, а кто мы, понимали разницу в масштабах личности. Но именно вследствие своего величия он был прост в общении с людьми.

Он был Лаврентьевым. Мог постоять за свои идеи и идеалы. Но для сотен молодых ребят — студентов НГУ и ФМШ остался в памяти Дедом — удивительным человеком, способным просто изложить сложную научную идею и увлечь ею. Создатель клуба юных техников и почетный член фехтовального клуба «Виктория», для ребят Золотой долины он был прежде всего удивительным выдумщиком, веселым, интересным, внимательным собеседником.

